

КАТЯ СТЕПАНЦЕВА

Не бойся! Люби!

16+

Катя Степанцева
Не бойся! Люби!
Сборник рассказов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42683940

SelfPub; 2023

ISBN 978-5-532-91852-8

Аннотация

Эта книга – сборник простых, интересных, веселых (и не очень) историй о любви. Любовь окрыляет, вселяет в сердце надежду, дает силы жить, излечивает, делает нас добрее и умнее. Великая сила скрыта в этом чувстве, и каждый рассказ, каждый герой подтверждают это.

Содержание

Здравствуй, дорогой читатель!	4
Под крыльями снежного ангела	7
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Катя Степанцева

Не бойся! Люби!

Сборник рассказов

Здравствуй, дорогой читатель!

Давай познакомимся? Меня зовут Катя Степанцева, и я пишу. Писать – это словно выводить на запотевшем стекле узоры. Сначала они узнаваемы только для тебя, только ты вкладываешь в них смысл, только ты видишь начало и конец, ведешь линию, за которой угадывается что-то интересное и прекрасное. Но потом, когда очертания становятся ясными и законченными, те кто рядом с тобой, дышат тебе в плечо, они с удивлением обнаруживают, что тоже видят знакомые силуэты. И этот восторг, что искрится и изливается от другого человека, которому нравится тот результат, которого ты достиг, передается и тебе тоже. Захватывает сердце целиком и вот ты уже видишь гораздо больше. Из одного смысла выливается другой, тот, о котором сначала и не думал. Из текста подтекст, из картинка новая картинка, а если что-то где-то смазалось или потекло, то можно провести ладонью, подышать на стекло и снова начать. Вырисовывая жизнь. Выписывая черточками непередаваемой красоты узоры.

Мне нравится это ощущение восторга, которое сопровождает сам процесс написания и процесс публикации написанного, а потом процесс обсуждения. Нравится, даже если я вижу критику, это тоже обратная связь и чье-то мнение, видение моих узоров. Хотя я внутренне сжимаюсь и колени до сих пор бывает трясутся. Мне нравится, когда близкие люди, не безразличные мне люди, проявляют интерес к моему творчеству. Нравится, когда оно их радует. И каждый блеск в глазах я стараюсь впитать, запомнить, запечатать в сердце. Каждое слово сохранить. Именно для этого я каждый день вывожу узоры на запотевшем стекле. То есть пишу. А чем увлекаешься ты? Любишь читать?

Тогда листай скорее дальше, приятного чтения.

Под крыльями снежного ангела

Я уткнулся лбом в стекло, разглядеть что-либо в этой снежной кутерьме сложная задача. Мело так, будто выюга решила извиниться за все бесснежные дни ноября и декабря. Я нажал на трубке домашнего телефона отбой, услышав пятый раз, что нашу пиццу доставят через пятнадцать минут. Новый год, ясное дело. На часах еще только десять. В этом году мои родки накрыли стол салатами и снеками и ушли в гости, а мне разрешили пригласить друзей. “В четырнадцать лет, – сказала мама, – думаю я могу на тебя рассчитывать. Повеселитесь с друзьями как следует, мы с отцом придем около шести, если что позвоню”. Васька на радостях устроила нам киномарафон, посвященный Дэниэлу Рэдклиффу. Она сидела на полу у журнального столика и смотрела на меня, забавно вытянув шею. Я плюхнулся к Костяну на диван и объявил:

– Пицца будет через пятнадцать минут!

– А если б Васька юбку надела и блузку с декольте, глядишь, курьер бы поторопился, – злорадно прокомментировал Костян.

– Интересно, как бы он узнал? – скривилась Васька.

Васька нас старше на год, но по ней и не скажешь: худенькая, угловатая, мелкая. Для нас она всегда была своим пар-

нем, да и одевалась как пацан. Юбку и блузку на ней увидеть просто невозможно, и даже обтягивающие джинсы. В школе она носила широкие синие брюки и балахонистые свитера, дома безразмерные футболки, треники или штаны. В честь праздника она надела новый красный спортивный костюм с белыми лампасами.

Я смотрел на экран, но не видел, что там происходит. Задумался. Мы дружили с Васькой и Костяном всю жизнь, с детского сада. Мы знали друг о друге все: каждый шрам (никогда не забуду, как Костяну в задницу вцепился соседский доберман), каждую неудачу и победу, каждое желание и страх. Но кое в чем я не мог признаться никому. Когда я думал, что признаюсь, у меня холодели руки и сердце готово было вырваться из груди. Я перевел взгляд на окно, устремив его в темноту сквозь мигающие разноцветные огни гирлянды. Снег падал и падал и мне казалось, что там высоко в небе летел ангел и с его крыльев срывались снежные пушинки.

Васька самозабвенно хрустела чипсами, не сводя взгляда с экрана, Костян дремал, положив ногу на ногу, капюшон розовой флисовой пижамы с мордой Пятачка из американского «Винни Пуха» сполз ему на лицо. Перед тем как уснуть Костян пытался возмутиться:

– И что вот в нем такого, в этом вашем Рэдклиффе? Совершенно обычный.

Но Васька моментально подавила «бунт на корабле». Ей даже не пришлось ничего объяснять. Она как-то так странно

умеет смотреть, что сразу становится понятно: спор бесполезен.

Я бы тоже посмотрел что-нибудь другое, но Ваську не переспоришь, если уж ей приспичило этого бесячего Рэдклифа, то все! Васька и маму мою на «Гарри Поттера» подсадила. Так мама вдруг ни с того ни с сего заявила, что я на него очень похож. Ну прям вылитый! «Глазки голубые, бровки как у него, волосики зачесать надо по-другому. Очков не хватает только круглых!» Вынос мозга! Не похож я! Если только совсем чуть-чуть.

Дамблдор на экране закричал: «Я больше не могу, Гарри, убей меня!», Костян судорожно всхрипнул и проснулся. Протер глаза, посмотрел на часы:

– Все, не могу больше! Если мы продолжим в том же духе, это будет самый отстойный Новый год в моей жизни. Мне уже скоро сниться будет что я Гарри Поттер, а Макс Гермиона, – возмутился он. – Может в “Мортал Комбат” зарубимся?

Васька на него даже не посмотрела. Точнее посмотрела, но как-то мимо, слегка сощуриив глаза и чуть заметно улыбувшись:

– Опять будешь за Саб-Зиро? Ты предсказуем!

– Давай же сразимся, Соня Блейд! – подзуживал Костян, – Я тебя размажу в первом же раунде.

– Еще кто кого, поросютка.

– Ну же, давай детка, сделай это уже скорей! Я весь твой! – Костян отхлебнул колы, прополоскал рот, проглотил и рыг-

нул. Васька кинула в него скомканную салфетку:

– Вот только буйных ветров при мне не вздумай подпускать! Я вообще-то девчонка, если ты не заметил.

– Ты не девчонка. Ты братан! Брателло!

– Нет, – упрямо сказала Васька, – я девчонка, так что попрошу...

– Ой, я тебя умоляю! Девчонки они такие, – Костян манерно запищал, взмахивая руками, – «Смотрите какое платьице! Ой эта помада просто чудо! Не надевай узкие джинсы, они тебя толстят! Не для того я качала свои ягодички, чтобы прятать их в безразмерные штата-а-аны-ы-ы». Ты не такая, Вась, – он закинул в рот чипсы и продолжил, – ты у нас брутал.

Васька еще улыбалась, но глаза у нее сделались какие-то напряженные, стальные, и улыбка стала похожа скорее на оскал.

– То есть вылитый мужик: вонючий, лохматый качок с интеллектом дровосека. Макс, ты тоже так считаешь? – повернулась она ко мне.

В коридоре раздался звонок мобильного, я вскочил, будто за мной погнался Скорпион, втайне радуясь, что, хотя бы на время, избежал участия в этом щекотливом разговоре.

Тут же зазвонил домофон, курьер привез пиццу. Я нажал кнопку и открыл дверь, затем отыскал телефон под зеркалом. Звонила мама по ФейсТайму. Седьмой раз за день. И это она еще себя сдерживала, ведь мы утром с ней поговори-

ли, что все будет хорошо и волноваться абсолютно не о чем.

– Да?

– Максик, милый, как вы? – спросила мама, из-за ее спины выглядывала тетя Света, мамина университетская подруга, – Макс, приветы! – закричала она.

– Здравствуйте, тетя Свет.

– Я те дам щас, тетя Свет. Ир, ну когда он перестанет меня тетей называть?

– Света, ты его старше на двадцать пять лет. По-моему, логично.

– Максим, у вас там все хорошо? – округлив глаза спросила мама. У меня создалось ощущение, она втайне надеется, что у нас что-то произошло и, если я об этом скажу, она тут же выедет домой.

– Ну конечно, что у нас может случиться? Вот пиццу привезли! – я расплатился с курьером, который вежливо ждал, когда я на него обращаю внимание. Положил коробку с пиццей на тумбу под зеркалом.

– Но если что-нибудь случится, ты мне обязательно позвони!

– Ла-а-а-а-дно, – протянул я и запер дверь.

– Хоть что-нибудь, слышишь? Даже просто так звони!

– Мам, но вряд ли что-нибудь случится, серьезно, – я услышал призывные ритмы игровой заставки, – Мы «Мортал Комбат» запустили, – я развернул камеру и пошел в комнату, демонстрировать маме, что у нас тишь да гладь, чтобы

она окончательно успокоилась.

Кто-то сдавленно крикнул, я оторвал взгляд от телефона и застыл в дверях.

Костян лежал, уткнувшись лицом в подушку, а Васька, упираясь ладонью ему в голову, оседлала сверху и выкручивала руку. Он с трудом приподнял красное лицо и хрипло заорал:

– Да девчонка ты! Красавица!

– Э-э-э-э, – протянул я и резко переключил камеру на себя. Натянута улыбнулся, – Мам, вот видишь, все хорошо! Отрабатываем захваты как в игре.

– О Боже! Что происходит?

Васька и Костян вскочили с дивана и, облепив меня со всех сторон, замахали в камеру.

– Тетя Ира, как дела? – улыбалась Васька, обняв меня за шею. Васька пахла кокосовой стружкой, значит до рафаэлок добралась.

– Все хорошо, Васенька, – растерялась мама, – а у вас как?

Я не удержался и влез в разговор, ободряюще взъерошив Костяну вихры:

– У нас все просто супер! Как видишь, в съемках ни один суперхряк не пострадал!

– На повестке дня, а точнее ночи «Фантастические твари», – бодро отрапортовала Васька. Спешный выезд отменился и мама, обещав позвонить попозже, отключилась.

Я бросил телефон на диван. Лицо Костяна постепенно

принимало свой первозданный вид.

– Ну что, господа, продолжим, – объявил он, как ни в чем не бывало, оправив пижаму и накинув капюшон, потом повернулся к Ваське, игриво склонил голову и добавил, – и дамы, конечно. В программе заявлены «Фантастические твари»! Хотя бы там нет приевшейся физиономии Рэдклифа. Ай! Васька! У меня от тебя все ребра болят, хорош уже!

Снова зазвонил телефон.

– Знаешь, у тебя чрезмерно заботливая мама, – отметила Васька, – такое ощущение, что это у нее, а не у моей матери, доченька с двумя парнями празднует Новый год. Моя вот еще ни разу не позвонила за весь день.

Последнюю фразу Васька сказала, не сумев скрыть обиду в голосе.

– Вообще-то это не мама, – уставившись на экран телефона сказал я. – На этот раз звонит Вован, – гораздо тише добавил я, но меня уже никто не слышал.

– Какой Рэдклиф! Какие твари! – бодро воскликнула Васька, дразня Костяна вторым джойстиком от икс-бокса, – Саб-Зиро, трепещи, я не успела надрать тебе зад!

– Эти твои пацанские замашки, – проворчал Костян, потирая ключицу, но джойстик все-таки взял.

– Да? – закричал я, закрывая телефон рукой и стараясь переорать музыку игрушки.

– Макс, привет!

– Хай!

– Че делаешь?

– С Костяном в “Мортуху” рубимся, – соврал я.

– А Василиск с вами?

Я растерялся, говорить не говорить. Хотя какая разница, пусть знает. Они с Васькой год назад встречались, правда не долго, меньше месяца, а потом рассорились. И почему он про нее спросил? Я повернулся и посмотрел на друзей. Они увлеченно играли, хихикая и обсуждая запрещенные приемы.

– Да. Мы втроем празднуем.

– Втроем – это не праздник. Ну-ка включи громкую связь, мне надо обращение сделать.

Этого-то я и боялся. Глубоко вздохнул и протяжно выдохнул:

– Вован, праздник все-таки, Новый год. Надо простить друг друга и идти дальше. Примета такая...

– Да понял я, понял, – оборвал мою речь Вован. – Включай уже громкую связь и не полощи мозги.

Я махнул рукой Костяну, показывая, чтобы сделал звук потише, а сам включил громкую связь.

– Василиск, слышишь меня? Конечно слышишь, сказочное чудовище. Неси сюда свою крошечную задницу, иначе ровно в полночь все узнают твои тайны, я тут на днях раздобыл один любопытный дневник, – сказал Вован и сбросил вызов.

Васька сидела на диване осунувшись, задумчиво обкусывала

вая заусенец на большом пальце.

– Васек, ладно тебе, не расстраивайся, – попытался утешить Костян. Даже обнял ее за плечи.

– Правда, Вась, – сказал я, но подойти и тоже обнять не решился, – не обращай внимания. Ну какие тайны, что за бред?

– Не понимаю, когда он смог его украсть? – пробормотала она.

– Ну и черт с ним! – преувеличенно бодро всплеснул руками я. – Давайте салаты есть? А то мама расстроится, она готовила, старалась.

– Что-то не хочется, – упавшим голосом сказала Васька, потом метнула на меня обеспокоенный взгляд и воскликнула, – Ой, ну что гадать да мучиться, придется идти и требовать объяснения! – но вид у нее был, будто она решила сделать так, чтобы он замолчал навеки.

Костян загробным голосом произнес: «Смерть же несёт путем диковинным, небывалым, ибо, кроме клыков ужасных и ядовитых, даден ему взгляд убийственный, так что ежели кто с ним очами встретится, тотчас примет кончину скорую и в муках великих».¹

– Вась, скоро Новый год! Мы что встретим его в сугробе? – еще не верил я.

– Да тут идти минут тридцать прогулочным шагом, а ес-

---

¹ цитата со страницы с описанием василиска, вырванной Гермионой из старинной книги

ли поднажать минут за пятнадцать успею туда и обратно, – Васька дернула Костяна за руку и посмотрела на его наручные часы, вскочила и ринулась в прихожую. – К тому же я вас и не зову. Одна дойду, ничего со мной не случится, со мной никогда ничего не случается. Оставайтесь. У тебя мама скоро снова начнет названивать, – Васька натягивала пуховик и одна рука у нее застряла. Васька недовольно вытащила из рукава шапку, – вот она удивится, что ты не дома. Вызовет скорую, и пожарную, и дежурную часть, так что не рискуй.

– Ну мне-то ничто не мешает прогуляться! – потер руки Костян. – Наконец-то вечер перестал быть томным.

– Я ей сейчас сам позвоню, усыплю бдительность, – среагировал я. Будет мне еще Васька указывать сидеть дома. На улице тьмища и непонятные личности бомбят фейерверками.

Я нацепил самую обаятельную улыбку, которая мне удавалась в жизни и позвонил маме, она приняла вызов с первого же гудка.

– Мам, у нас все отлично. А как у тебя? Ага, ага. Ну все, с наступающим! Целуем! Нет, никуда не пойдем. Ну может во дворе фейерверк запустим и все. Ага, пока!

Улыбка сошла с лица так же быстро, как появилась. Васька и Костян уже экипировались. Я суетливо оделся, пара минут и мы на улице.

Нетвердой походкой подошел к подъезду Дед Мороз:

– Снастпайушм, рьбятишки!

– Спасибо, спасибо, и вас, – как-то вразнобой и вяло ответили мы и, не желая останавливаться и поддерживать разговор с общительным Дедом.

– Ндо быть ри-ик-шительней и нпористей, ик! Ну-к ищщё раз, – проговорил нам вслед нравоучительно Дед, держась за ручку двери и качаясь как береза от ветра на вершине холма.

– Спасибо! – хором крикнули мы.

– Вооот, ршительность и нпори-ик-стость! Запомни-икте!

Дед Мороз ввалился в теплый и светлый подъезд. Дверь за ним глухо прихлопнулась. А у нас впереди неизвестность и белый снег стеной. Что может быть хорошего там, за этой стеной? Может она и существует сейчас только для того, чтобы мы остались дома? Тайны какие-то. Откуда они вообще взялись? Ведь у нас не было никогда друг от друга тайн.

Все вокруг казалось торжественным и чудным: запорошенные снегом деревья и дорожки, кое-где мерцающие гирлянды на окнах домов, тишина, прерываемая грохотом далеких фейерверков. Снег летел гигантскими белыми мухами, таинственно горели фонари на детской площадке. Один из них мигал, будто передавал азбукой Морзе послание. Короткий-короткий-короткий, длинный-длинный-длинный, короткий-короткий-короткий.

Я посмотрел на Ваську. Глаза у нее стали огромные, круглые и может немного недовольные. Еще бы. Но в них сверкала и решительность. То, чего всегда не хватало мне. «Хва-

тит быть тряпкой!» Я резко выдохнул и, дружески хлопнув Ваську по спине, чересчур позитивно сказал:

– Ну что встали-то? Быстрее выйдем, быстрее дойдем до Вована!

– Быстрее откручу ему голову, – проворчала Васька, засунула руки в карманы и рванула с места, мы с Костяном пропустили за ней.

Снег летел с самого утра и за весь день прилично намело. Костян резвился как пес, впервые увидевший снег:

– Я первый человек на Луне! Смотрите на мои следы, земляне, они останутся в вечности!

– Да их занесет за минуту, – остудила его пыл Васька.

– Ну да, ну да, – усмехнулся Костян. Наклонился, подхватил пригоршню снега и помял его, он лепился плохо и осыпался с варежек, – эх, как говорит мой мелкий братец, снег сегодня не «леплюлистый».

– Еще какой леплюлистый, – сказал я и тоже скатал комок, попримял его как следует, и запулил в Костяна. Снежный ком летел как комета, оставляя после себя серебристый шлейф медленно опадающих серебрящихся снежинок. Попал прям в капюшон.

– За что, брателло? – театрально взвыл Костян и упал, а потом замахал руками и ногами, делая снежного ангела. Васька хоть и нервничала заметно, но глядя на нас немного оттаяла, и даже сама приняла участие в снежной баталии.

Васька откапывала снежные подмерзшие комочки и кидалась с удивительной точностью. Один раз она заехала мне таким комочком в бровь, хорошо не в глаз. Я решил наказать чертовку и погнался за ней, чтобы как следует закидать ее снегом. Догнал Ваську почти у самой «Зелёнки», детской площадки с искусственной травой. Васька взбиралась по холму к горкам, почти на самом верху я догнал ее, ухватил за капюшон и потянул на себя. Васька не удержала равновесие и повалилась, увлекая меня за собой обратно вниз по склону. Снег забился в рот и нос, забрался под воротник, обжигая горячую кожу. Васька хохотала в голос и счищала с моего лица снег. Я замер под ласковыми горячими пальцами. Васька в этот момент выглядела просто потрясающе: на влажных кудряшках плясали огоньки, а в глазах Вселенная. Я залюбовался ею, но и она смотрела на меня как-то по-особенному. Она уже перестала смеяться, только чуть улыбалась. Уголки губ то и дело вздрагивали, она смотрела, не отводя взгляд, будто видела в первый раз в жизни, словно изучала, а я не хотел, чтобы этот миг кончился и тоже изучал ее. Я посмотрел на губы, такие яркие и манящие. Вот бы коснуться их, хотя бы на миг. Я так четко представил этот поцелуй, будто даже почувствовал его, но тут же вздрогнул от крика:

– Эй, братва, вы чего разлеглись-то? Мы к Вовану пойдем сегодня или нам уже туда не надо? – это послышался голос Костяна.

– Может ну его? – спросил я у Васьки каким-то дрогнувшим и просительным, будто извиняющимся голосом. В кармане зажужжал телефон. Я нехотя кое-как встал, подал руку Ваське, порылся в карманах и выудил мобилу:

– Да?

– Это снова я. Дай-ка Василиска на секундочку? – сказал Вован.

Вот блин только помянули его, как он нарисовался. Так не вовремя.

– Я громкую связь включил, говори, – нехотя произнес я.

Васька перестала отряхивать снег со штанов и округлила глаза, затаила дыхание.

– А, ну может так даже и лучше. Василиск, слышишь меня?

– Да, – хрипло сказала Васька.

– Отлично. Ну смотри, что тут у нас получается. Открываем твой дневник и читаем: «Когда-то я ненавидела его и подружилась с ним, чтоб изрядно подпортить его беззаботную богатую жизнь, а теперь кажется люблю. Что со мной? Я сошла с ума? Я не могу спать, учиться, ходить на тренировки, я думаю только о том, какие у него красивые глаза и как он забавно кусает губы, когда читает; как он краснеет у доски на уроке истории, пытаюсь вспомнить параграф из учебника. Я точно сумасшедшая».

Я удивленно выпятился на обескураженную Ваську. Я чувствовал себя обманутым, раздавленным, уничтоженным.

Еще буквально минуту назад я грезил о поцелуе и казалось, что Васька тоже хотела бы этого, но теперь я узнаю, что она влюблена в какого-то щегла из нашего класса.

– Ты мне кое-что должна до боя курантов. Если успеешь – твоя победа, отдам тебе эти писульки, а не успеешь, буду снова звонить и продолжать читать откровения, – закончил Вован и добавил, – Так что в твоих интересах поторопиться.

– Ну ты и подонок, – не выдержал я.

– Нет! – выкрикнула Васька. – Мы идем уже. Почти пришли.

Она припустила еще быстрее, а мы за ней. Я крепко держал телефон в руке, чтобы не потерять.

– Обожаю перетряхивать грязное бельишко, – ухмыльнулся Костян, – это так бодрит!

Васька резко затормозила, Костян врезался в нее, не успев среагировать. Я тоже остановился, не добежав до них пару шагов, еле дыша поправил съехавшую на глаза шапку.

– Да неужели? И парни еще обвиняют девчонок в болтливости! Может твое достанем бельишко? Потрясем! – верещала как дикая кошка Васька, тряся Костяна за воротник куртки. Яростно загребла снег в пригоршню и бросила ему в лицо. Он отплевывался и вытирал рукой щеки, глаза, нос.

– Ты офонарела что ли? – взвыл он в ответ, – остынь.

Но они уже сцепились и повалились в снег, вздымая обжигающие белые волны. Я бросился на этот извивающийся комок, пытаюсь разнять друзей:

– Вась, Вась! Ну ты чего? Мы же друзья!

– Ну конечно, спроси у Костяна, какие вы друзья? Что, покопаемся в твоём грязном бельишке? – плевала каждое слово Васька. – Почему ты Макса на день рождения никогда не зовешь?

Костян замер на месте. Да и я офигел. День рождения-то тут причем?

– Так, Вась, он и тебя не приглашает! – попытался я оправдать друга.

– Меня он не приглашает по другой причине, – ответила она, чуть повернув голову в мою сторону и глядя словно свысока, а потом отвернулась снова к Костяну:

– Ну, что молчишь? – Васька буравила его взглядом и мне это очень не нравилось.

– А правда в том, – продолжала она стальным голосом, – что Макс не вписывается в твою компанию и тебе просто стыдно за друга. Как они его называют за глаза?

– Вась, не надо, зачем ты так? – чуть ли не пискнул Костян. Я удивился еще больше, ни разу не видел, чтобы мой друг так пищал, отвечая на вопрос.

– Девчонка с глазами олененка! Они потешаются над тобой, Макс! И твой друг их ни разу не остановил, а когда я заступилась был жуткий скандал, поэтому я тоже не хожу к Костяну на дэрэ.

Я повернулся к ней и рассматривал ее лицо, будто впервые видел. Так вот оно что. Костян меня стеснялся. Не удивлюсь

если и Васька тоже. Ну конечно. Кто я? Размазня. Нерешительный. Олень. Голова кружилась, в глазах потемнело, а в горле пересохло, но я упавшим голосом произнес:

– А ты почему мне не сказала?

Васька остановилась, тяжело дыша, а я уже распался. Мою душу жгло огнем, злость прорывалась наружу:

– Почему ты мне раньше не открыла глаза на нашу так называемую дружбу?

Васька схватила меня за руку, глядя широко открытыми глазами. Кажется, она уже и не рада была, что завела этот разговор. Я вглядывался в ее лицо и не находил ответа. Я знал их обоих всю жизнь, но теперь только понял – нет. Не знал. Я высвободился и побрел домой, сунув телефон в карман куртки. Зачем мне бежать и выручать Ваську от раскрытия какой-то там тайны? Зачем бежать куда-то с Костяном, если он стесняется дружбы? На уголке сознания брезжила мысль, что они догонят меня, начнут уговаривать, объяснять, выяснять отношения. Но я упрямо шел в страшную и унылую черноту одиночества, и никто меня не догонял. Почему за час до Нового года это все обрушилось на меня?

Чуть вдалеке слышался смех и грохот петард, навстречу шла компания, толкаясь и подшучивая друг над другом. Яростно взрывая снег ногами, я настойчиво шел прямо на них. В другой раз бы не решился, но сейчас я пер как танк, не желая сворачивать с пути.

– Э, че не видишь куда прешь, олень? – сказал высокий

парень, с которым мы столкнулись на узкой тропинке.

– Ты кого оленем назвал? – глухо спросил я, непроизвольно сжав кулаки и глядя на обидчика исподлобья.

– Ой, блин, пойдем уже, – потянула спутница высокого парня за локоть. – Опоздаем, скоро полночь!

Загалдели остальные их попутчики, пытаясь свести нашу стычку на шутку.

– Нет, подожди, – сверкнул недобро глазами высокий, схватил меня за шкуру, я замер в предчувствии удара. Вдруг парень покачнулся и как-то странно дернулся. Из-за его спины вынырнул Костян и вцепился в куртку противника мертвой хваткой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.